

**ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДИНАМИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ**
PHYLOGENETICAL SOURCES OF DYNAMICS
PROCESSES IN THE CULTURE OF KAZAKH STEPPES

К. БЕГАЛИНОВА*
Б. КОКУМБАЕВА**

Резюме

В статье речь идет о специфике степной казахской культуры, о ее филогенетических истоках. Раскрываются основные ее бытийные стороны, связанные с предметами материального производства, религией, искусством. Показываются пространственно-временные особенности освоения степи и подвергаются анализу дошедшие до наших дней предметы культа, традиции, обычаи.

Ключевые слова: Степь, кочевой социум, космокультура, тенгрианство, тюркская лексика, мировоззрение кочевников.

Summary

The article deals with the specificity of the steppe Kazakh culture, its phylogenetic origins. It reveals its basic existential aspects, connected with the objects of material production, religion, art. The spatio-temporal features of the development of the steppe are shown and the subjects of the cult, traditions and customs that have survived to this day are analyzed.

Keywords: Steppe, nomadic society, cosmoculture, Tengrianism, Turkic vocabulary, nomadic worldview.

Степь (иситеп – от древнетюркского языка іс істеп – делать дело, осваивать) – международный архаизм, характеризующий безбрежные пространства Евразии, простирающиеся с запада на восток, от Черного моря до Амура, и с севера на юг, от Алтая до предгорий Тянь-Шаня. Эквивалентом определению «Степь» является аутентичная дефиниция «Сары Арка». Сары – желтый, образное название Солнца, которое для всех древних народов являлось глубоко почитаемым божеством. Арка - буквально: спина. У казахов есть

*Доктор философских наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылайхана, Алматы-Казахстан.

Doktorof Philosophia, professor, Almaty-Kazakhstan. E-mail: kalima910@mail.ru

**Доктор философских наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар-Казахстан.

Doktorof Philosophia, professor, Pavlodar-Kazakhstan, E-mail: baglan54@mail.ru

удивительное по смыслу и значению выражение «арка сүйеу», «аркасы бар». В обыденном значении оно означает «иметь поддержку, опору». Другой смысл «вечная опора и поддержка человека и сейчас и всегда - это Жарык Дуние - Мир-Свет (означает одновременно и Жизнь, и Мироздание, чувствование-понимание неотторжимости Жизни и Мира: вот это и есть вечная «арка сүйеу», данная каждому человеку на уровне глубокого внутреннего чувствования знания). Оно живет в человеке всегда и не приходится сомневаться ни в мощи, ни в вечности этой опоры [1, 24–25].

Таким образом, словосочетание Сары Арка сохраняет свою исходную духовную первооснову. «Теснейшим образом связанное с соответствующими тюркскими лексемами, оно восходит к общей протооснове единогопраязыка» [2, 121–122]. Этот исходный метаязык, сохранившийся во многих топонимах Великой Степи, экстраполирован в индоевропейской языковой семье в слово «шар» (солнце, круг - геометрическая символика космического явления). В современном значении – Сары Арка связывается с территорией Казахстана, однако, древнее происхождение и исключительная распространенность слова свидетельствуют о его мировом значении.

Іс істеп – новая природная зона, которую начал осваивать человек. Задача по ее освоению потребовала изобретений, предназначенных именно для этого ареала. Прежде всего, это – конь, отчего происходит собирательный термин «конные кочевники», выход которых на историческую арену стал переломным для человечества потому, что до сих пор земледельческие оазисы Востока и Запада были разобщены. Благодаря верному другу – коню – евразийские кочевники выступили важным связующим звеном между ними и «несли миссию сплочения и предотвращения самоизоляции» [3, 13]. Интегрирующее значение конного способа сохранялось вплоть до XVI–XVII вв., поскольку транзитная торговля по великому Шелковому Пути, основная часть которого проходила по величественным просторам Казахстана, осуществлялась посредством этого вида транспорта. Конь как транспортное средство получил широкое распространение во всем Старом Свете и продолжал сохранять свое ведущее положение даже после появления автомобиля.

Заселение іс істеп началось с выдающегося произведения разума – колеса, телеги, брички. У брички появляется крыша – навес. «Получилась кибитка – удобный домик на колесах. Утепили кибитку войлоком, получилась избушка, в ней стало тепло и зимой. Когда

несколько избушек собиралось на ночлег, их выстраивали кругом. Вырастал настоящий городок на колесах. За считанные минуты вырастал он в степи. А это и крепость, и местожительство» [4, 89]. Войлок также стал строительным материалом, имевшим многофункциональное назначение и сочетавший утилитарные свойства с эстетическими качествами. Он сохранял тепло зимой и одновременно давал прохладу летом в жару. Из войлока изготавливались различные изделия: епанча- бурка для всадников, ковры, валенки.

Таким образом, название «Иситеп» указывает на созидательно-преобразовательный характер деятельности, присущий насельникам степи. Она носила разумный и вместе с тем одухотворенный характер, ибо Көк түрк – сыны Неба ощущали хрупкость экосистемы и относились к миру как живому организму.

Таинство мироздания, бесконечность пространства и времени, ощущаемые с особой остротой, когда человек остается наедине со степью, сформировали мировоззрение евразийских кочевников, выраженное в следующем анызе: «Человек должен двигаться, потому что солнце, месяц, звезды, животные, рыбы – все движется, только земля и мертвые остаются на месте!» [1, 119]. Этот аныз, при его конструктивной простоте и лаконичности объемлет большое содержание, раскрывает космичность мышления кочевников Ис итеп, охватывающих внутренним взором бесконечный Универсум как процесс, рассматривающих последовательную эволюцию как источник жизни.

Стабильность кочевого социума, в котором духовно-ценностные аспекты значат в жизни людей гораздо больше, чем экономические реалии (М. Орынбеков), способствовал восприятию анызов как особой реальности, в которой проходила жизнь кочевников. Вместе с тем, они дают целостное знание о культуре степи, характеризующееся причудливым переплетением адаптивной культуры с земледельческой, сочетанием разных культурных традиций, обусловленных особенностями природно-климатических условий. Внутренняя цельность, взаимосвязанность огромного географического пространства нашла отражение в принципе жузов, различавшихся как по социально-экономическим специализациям, так и культурной историей. «Жуз» международное слово; оно имеет много значений и переводится как лицо, сто (100), сустав, звено, поколение в финском, эстонском языках. На языке коми означает народ, публика, люди; в таджикском – выпуск, часть, доля.

Расширенная ононимичность слова хранит в себе космологическое понимание новой десятки – человека [5, 73].

У казахов оно обозначает региональное родо-племенное деление на Үлкен (большой), Орта (средний) и Кіші (младший) жузы, каждый из которых содержит свои культурные особенности. Здесь личное – социальное – космическое смыкаются в единое целое, образуя в слитности/ нераздельности мир человека и мир бытия как одухотворенный Универсум. И в этой геоантропокосмической онтологии личная жизнь каждого человека (индивида) как часть микрокосмоса вплетается в непрерывную нить Космической Жизни, образуя макрокосмос – *Сердце Великой Степи*.

Аңыз так гласит об этом: «Хан Алаш перед смертью поделил Казакхия между своими тремя сыновьями и при этом изрек: «Үлкен жүзге құрық беріп, малға қой» – Старшему предоставляется возможность умножать поголовье скота (т.е. обеспечение экономической, материальной основы общества). «Орта жүзге қалам беріп заңға қой» – Среднему поручается торжество закона во имя мира и согласия в Степи». «Кіші жүзге найза беріп жауға қой» – Младший же должен в совершенстве владеть воинским умением, ибо его цель – защищать землю от внешних врагов». В заключении, Алаш хан наказал сыновьям всегда быть вместе, так как только единство, при котором Старший будет создавать материальную основу жизни, Средний – заботиться о благе всего народа, а Младший – отражать нападения иноземцев, обеспечит полноценное функционирование всего народа.

Охарактеризованная выше специализация жузов коснулась всех сторон жизнедеятельности степняков. Она оказала воздействие и на своеобразие культуры, сформировала «лицо» (жуз) каждого региона. Общность духовной культуры состоит в том, что она генерирует, то есть создается и передается усилиями всего народа. «Здесь каждый последующий шаг делается сообща, что не дает возможности профессионалам (элите) оторваться от массы и порождает очень важное качество, которое смело можно назвать подлинной демократичностью», – пишет Б.И. Каракулов [3, 198–199]. Отсюда, поразительная контактность с широчайшими слоями слушателей, устойчивая сила воздействия, жизненность культуры и искусства, сохранившего значение до наших дней. Это, во-вторых, сакральная культура, раскрывающая возвышенную духовность человека, устанавливающая незримые духовные связи между человеком и миром. Этим объясняется высокая социально-формирующая, а не

развлекательная и не развлекающая (для свободного времяпровождения) миссия кюев и жыр, эн и айтыса, бата и шежіре.

Огромную роль в функционировании культуры сыграла неутомимая деятельность духовной элиты «сегіз кырлы, бір сырлы». К ним относятся бақсы, жырау, жырші, күйші, ақын, сал, сері, әнші, несущие в своем генофонде одну тайну (*сыр*) – тайну Мироздания, Космоса, Вселенной, в котором есть мир этот (земной), и мир небесный (аруактар дуніесі). Это Сокровенное Знание унаследовано от первого проповедника тенгрианского духовного учения Қорқұт Ата Әулие и великого мыслителя и ученого эпохи арабо – исламского халифата аль-Фараби, выросших на берегу реки *Сыр-Дарья*, «которую казахи воспринимают как центр своего Мироздания, конструируя свою многомерную модель мира, исходя из этой точки казахской земли» [6,40].

Таким образом, сегіз кырлы являлись подлинной духовной элитой Сары Арка, формировавшими, наряду с ханами, биями, батырами, ментальное поле этой священной земли.

Находясь в силу географического местоположения в эпицентре исторических событий евразийского континента, Сары Арка не только сумела сохранить преемственное развитие уникального достояния, но и обеспечить ему на рубеже XIX–XX вв. воистину золотой век. Парадоксально, но факт: высочайшие достижения в области духовной культуры состоялись в тяжелейшие для Казахстана и этноса периоды. И именно в этот исторический период, когда на долю народа выпали огромные потрясения и лишения, окончательно оформилась и достигла своего расцвета народно-профессиональная культура, высочайшие достижения которой связаны с именами Біржана, Ахана, Сегізсері, Асета, Жаяу Мусы, Естая, Жарылгапберді, Мухита, Майры, Курмангазы, Даулеткерей, Казангапа, Таттимбета, Ыхласа и многих других.

Степная культура – универсальное и, вместе с тем, уникальное достояние человечества, что прослеживается, прежде всего, на примере социально-экономических условий, характеризующихся гибким сочетанием адаптивного существования и производящей формы хозяйствования. Традиция коадаптивного существования в хрупкой экосистеме закладывается уже в первокультуре охотников, о чем свидетельствуют книги ученых и писателей. Ведущая роль отводилась так называемой облавной, т.е. массовой охоте, бытовавшей здесь до XVIII столетия. В ней принимали участие не только мужчины,

а все члены рода – подростки, девушки, женщины, старики. Облавная охота проходила один - два раза в год и длилась месяц и более. В течение нескольких дней на огромной территории сжималось живое кольцо, откуда никакому животному не выбраться. Затем все как один «закричат в голос, ударят в барабаны, загрохочут бубнами, колотя медными колотушками изо всей силы, шум поднимется невообразимый, и с этим шумом они начнут продвигаться вперед, к центру круга» [7, 147]. По мере того, как кольцо все больше и больше сужается, все больше и больше народа вытесняется из строя. В первую очередь покидает строй детвора. Потом выходят из него старики. Следом за ними оставляют строй девушки, затем – юноши. Однако те, кто вышел из круга, не расходятся, кто куда. Выстроившись в новый ряд, они образуют еще один круг. Это мера предосторожности.

Право первым начинать охоту удостоивается вождь племени. В определенный момент этой грандиозной охоты аксакалы – старейшины – подавали знак остановиться. Оставшуюся часть животных отпускали, причем именно старики знали точно, сколько зверя нужно оставить в живых и отпустить на волю, чтобы в следующей массовой охоте также была добыча. Воля старших выполнялась неукоснительно.

Немало обнаружено и «вещественных» доказательств в виде «картинных галерей» под открытым небом – наскальных рисунков, оставленных древними. Выполняя обряды охотничьей магии, живописцы эпохи палеолита оставили на стенах пещер сотни и тысячи многоцветных рисунков. На них представлены изображения горных козлов, оленей, людей, а то и целые сюжеты – сцены охоты на диких зверей. Удивительно, что краски, нанесенные в седой древности, не утратили своей свежести и поныне [8].

Однозначно отсылает к культуре охотников аңыз о первой охоте великого Хисага-Тенгри, во время которой животные решили спастись от грозного хана вплавь. «Через реку Или они переплывали в таком порядке: первой в воду вошла мышь, за нею – бык, тигр, заяц, дракон (или рыба), змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, а последним поплыл кабан». Так и зафиксировано в тенгрианском календаре культуры. Порядок их выхода на другой берег дал порядок названий годов. Миф об охоте как творении времени, роль реки как границы Среднего и Нижнего, своего и чужого миров в мифологии известна. «Пересекая Реку, границу Жизни и Смерти, животные выходят из нее не биологическими существами, а динамически пульсирующим

энергетическим потоком земного Времени, которому они передают свою сущность Живого, а отдельным его пульсациям (годам) – свои индивидуальные качества» [9, 23].

Эти сущностные основы культурогенеза и антропогенеза нашли свое логическое продолжение в кочевом хозяйственно-культурном типе, как наиболее соответствовавшем условиям степной среды. Здесь, в сердце Великой Степи кочевое скотоводство продержалось вплоть до XX века.

Основным признаком кочевой культуры, отличающим ее от аграрного мира в целом, является наличие средства передвижения, то есть коня. Без лошадей немислима номадическая культура, поскольку конь служил не только материальным основанием общества. Определение «ат» содержит сакральную первооснову; в образно-духовном мире народов Ис істеп он является ведущей константой, связанной с культом верха (духовного начала). К «ат» восходит словообразовательный ряд ат – ата – атабек (воспитатель), аталы (имеющий славных предков), атакты (выдающийся), атамекен (священная земля предков). Эти определения, в которых глубоко отражены ментальные особенности степной культуры, вплотную подводят к кочевниковедению как научной проблематике. Дело в том, что по отношению к культуре в целом довлеет цивилизационно-социумный подход. Так, мировые религии освещаются онтически, в контексте конкретной историко-географической реальности (христианство как наследие Западной Европы, ислам как явление Востока). Между тем, выход за пределы социумно-цивилизационного измерения позволяет: 1) осветить магистральную линию культурного развития человечества; 2) понять культуру в исторической перспективе. Пример сказанного: кочевниковедение, которое значимо не только в региональном масштабе (как явление степи), но в контексте культурного целого.

Следует отметить, что кочевники стимулировали развитие культуры древних греков и китайцев. Действительно, в истории культуры известно немало фактов взаимовлияния, взаимодействия между тремя культурными очагами. Вместе с тем, суть проблемы кроется, на наш взгляд, в том, что эти этносы и государства выполняли различные функциональные задачи. Иными словами, древние греки и китайцы, а в их лице весь земледельческий мир и номады Ис істеп выполняли стратегически разные роли. Задача первых – созидать новое

– культуру цивилизационной эпохи. И они блестяще реализовали ее. К безусловным достижениям геокультуры относятся философия, наука, искусство, культура в целом тому подтверждение. Задача вторых – охранительные тенденции, заключающиеся в сохранении первоисточного единства, что подтверждает и этноним ранних кочевников сак, сақтау (беречь, сохранять).

Культурфилософский анализ результатов казахстанского гуманитарного знания с данными современной мировой науки приводит к выводу о том, что первосмысл, первоисток есть сфера духовного бытия. Фактичность духовности подтверждается, прежде всего, эмпирически-исторически. Культурные блага, то есть предметы материальной культуры, только начинают создаваться и приобретаются архаическим человеком в ходе жизненной практики. Причем, что очень важно, отношение к ним с самого начала человеческой истории не утилитарно. Во-вторых, в филогенетическом родстве наиболее древних по происхождению (миф, религия, нравственность, искусство) культурных форм прослеживается духовное начало, представлявшее с самого начала духовно-практическую целостность. Это не значит, что игнорируется или отрицается значение материальной культурной сферы. Во-первых, целостный взгляд элиминирует деление культуры на духовную и материальную; во-вторых, предметы материального производства интерпретируются как явления культуры, обладающие культурным значением, то есть важные не только для комфортного существования человека, но с точки зрения культуронесущего содержания.

Убедительный пример сказанного – культура Казахстана, в которой, благодаря кочевому хозяйственно-культурному типу, социум по всем основным параметрам оказался родственен архаике, вследствие чего приоритет духа как исходно-вечного начала жизни имеет эквивалентную, то есть живую, биотическую природу. Она представляет собой классически совершенную систему и содержит такую духовную концентрацию, какую цивилизованным обществам, поглощенным материальными потребностями, просто невозможно представить. При этом дух не возвышается над жизнью, не есть что-то надстроенное над обыденной реальностью. Триада «дух – жизнь – культура» представляют неделимое целое. В качестве примера можно обратиться к религии: исторически сложилось так, что в философии и науке понятие культура содержит секулярный смысл. Даже – религия функционирует здесь не столько в своей непосредственно-сакральной

сущности, сколько в государственно-идеологической ипостаси, не столько как всеобщее, сколько как особенное (христианское, мусульманское). Подобная экстраполяция справедлива по отношению к оседло-земледельческим цивилизациям. В культуре Великой Степи, как показывает пример казахстанской традиций, содержание духовного бытия составляет единство жизни и культуры.

Таким образом, земледельцы выполняли культурную программу настоящего, а, именно, культуры цивилизации; кочевники работали во имя будущего – космокультуры. В крупном масштабе и те, и другие шли (и идут) к одной великой цели: к вечному духу. Но шли разными путями. Земледельцы через преодоление, борьбу с материально-вещественным планом Универсума. Кочевники – через последовательное сохранение в душе духовно-энергетического плана. Вот так, путем страданий, сомнений, тревог, разочарований, вечных поисков и, казалось бы, консервации, неподвижности происходит становление новой эры – Космокультуры. И это – космический процесс, ибо это – синтез возможности и действительности как условие для дальнейшей духовной эволюции. Вряд ли на уровне сферы сознания она отчетливо осознавалась и рефлексировалась; осуществление ее происходило на уровне архетипов. Ясное понимание ее было присуще, возможно только избранным – посвященным, то есть духовной элите *Is іstep*. К ним, наряду с вышеуказанными «*сегіз кырлы, бір сырлы*», относятся *ақ сүйек*. Это – кожа или ходжи, которые являлись «прямыми потомками тех арабских миссионеров, которые «не мечом и огнем», а мирным путем несли ценности мусульманской религии в среду евразийских кочевников. Это опасное и многотрудное дело требовало не только духовной убежденности в его правоте, мужества и отваги. Оно требовало также любви и уважения к тем, кому предстояло признать проповедуемые ценности. Доказательством истинной любви и уважения должна была стать ассимиляция. Ассимилированные потомки арабских миссионеров и называются ходжами» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Нурланова К. *Человек и мир: казахская национальная идея*. – Алматы: Каржы-Каражат, 1994, с.24-25.
2. Курляндский В. В. *Послания древних жрецов*. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 384 с. (Тайны, находки, сенсации), с. 121-122.
3. *Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством*. – Алматы: Гылым, 1993 – 264 с. – с.13.

К. Бегалинова, Б. Кокумбаева. Филогенетические истоки динамических

4. Аджи М. *Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи.* – М.: Международный Благотворительный фонд «Святой Георгий», 1999 – 176 с. – с. 89.
5. Каракозова Ж. К., Хасанов М.Ш. *Космос казахской культуры.* Алматы: Евразия, 1993 – 79 с.
6. Аязбекова С. Ш. *Картина мира этноса: Коркут ата и философия музыки казахов.* – Алматы, 1999, с.40.
7. Магауин М. *Вешние снега: исторический роман*, кн.1. Пер. с казахского языка А. Курчаткина. – Алма-Ата: Жалын, 1985. – 592 с. – с.147.
8. Медоев А. Г. *Гравюры на скалах: (Сары-Арка, Мангышлак).* – ч.1. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 175 с.; Сейдимбеков А. *Поющие купола. Этюды о красоте* (Перевод с казахского языка Кажобековой). – Алма-Ата: Жалын, 1985, Максимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшева А. Н. *Наскальные изображения урочища Тамгалы.* – Алма-Ата: Онер, 1985.
9. Аманов Б. Ж., Мухамбетова А. И. *Казахская традиционная музыка и XX век.* – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 544 с.
10. Толебайулы М. Х. *Казак и монгол.* // Новое поколение. 15 июня 2001.